

Демократическая ли трансформация? Соотношение целей и средств.

Уважаемые коллеги, дамы и господа!

Политологи, по преимуществу, западные, считали, что существенной, если не определяющей сложностью становления постсоветских государств стала необходимость одновременно решать те три задачи, на которые у развитых западных стран уходило от нескольких десятилетий до столетий. Это -- становление национального государства, рыночной экономики и демократических институтов. Я и по этическим соображениям, и вследствие недостатка времени не стану говорить о том, как эти три задачи, или точнее говоря, эта триединая задача, решается в других странах. При том, что каждый, я думаю, в этой аудитории найдет общие черты этого процесса. А напряжение в отношениях между какими-либо из этих стран не только не опровергает, но лишь подтверждает это суждение.

Политолог Мария Липман говорит о серии эпитетов, сопровождающих новые демократии: "управляемая", "фасадная", "формальная", "неполная", "частичная", "нелиберальная", "электоральная", "слабая", "виртуальная". Не один негативно-иронический эпитет характеризует также постсоветский либерализм.

Латвия менее месяца назад Латвия отметила 15-ю годовщину со дня провозглашения Декларации о восстановлении независимости. Насколько успешно осуществляется триединая задача? Прежде всего, сколько времени отпущено на младенческий возраст? Когда юношеский пыл трансформируется в губительную политическую инфантильность? Такая не вполне серьезная аналогия: по традиции иудаизма мальчик признается мужчиной в день своего 13-летия. Надо отметить, что реальное продвижение к независимости началось в Латвии, да и во всем бывшем Союзе, и в Восточной Европе не 15 лет назад, но почти с началом перестройки в бывшем СССР. И первые правовые акты переходного времени, принятые Верховным Советом Латвийской Советской Социалистической Республики еще в 1988 году -- законы об экономическом суверенитете и о языках выражали именно стремление, пусть еще политически не артикулированное, но уже зафиксированное на уровне "коллективного бессознательного" очень быстро подвело именно к постановке триединой задачи.

Сегодня можно констатировать, что именно тогда при всей смутности, ни теоретической, ни политической неформальности она понималась наиболее адекватно. Невключенной в политический дискурс она оставалась всегда -- вплоть до сегодняшнего дня. Не вообще провозглашение, но именно восстановление независимости было на тот момент шагом, позволившим всем балтийским советским республикам легитимировать на международном уровне свой выход из СССР. Тогда-то средство трансформировалось в цель. После того, как государства Балтии получили международное признание в качестве независимых государств в 1991 году, оказалось, что в силу как корыстных, так и бескорыстно-радикальных устремлений "восстановление независимости" понимается буквально, как возвращение к Первой республике. Которая, кстати сказать, просуществовав в качестве молодой, не восстановленной, но установленной демократии всего лишь неполных 16 лет, не воспринималась тогдашней Европой и мировым сообществом как недоросль. И сама она не позиционировала себя ни как Красная Шапочка, жизнь которой сводится к вечному ожиданию встречи с волком, ни как колобок, который сумел от всех уйти.

Однако, последовавшее возвращение к Первой республике, положившее начало трактовке латвийского гражданства со всеми вытекающими до сих пор последствиями, привело ко все более осознаваемому выпячиванию одной из трех задач: строительству национального государства. Развал мировой социалистической системы привел к тому пониманию национального государства, которое для поствавилонской, по выражению

Умберто Эко Западной Европы, стало архаичным. Но формирование политической нации ни как основы современного национального государства, ни как условия демократического развития не выдвинуто политиками до сих пор. Сегодня принцип возвращения к Первой республике остро сказывается на коллизии с договором о границе с Россией.

То есть что собственно произошло, точнее -- чего не произошло? На уровне политической элиты не произошло осмысления триединства задачи, когда сложность-то и состоит не только, да и, мне представляется, не столько в ограниченности времени, сколько в непонимании совершенно ультимативной необходимости решать все три вопроса одновременно. Что же таким образом происходит? Развитие гражданского общества, наличие которого априори сомнительно при таком количестве неграждан, становление демократии в целом по сути блокируется с одной стороны, национальными мифологемами, с другой -- таким развитием рыночной экономики, при котором политический класс по сути обслуживает экономические группировки. Которые, в свою очередь, не озабочены национал-радикальным давлением, пока именно оно приводит к власти именно этих политиков. При этом заказчик политического курса не озабочен и социальной ответственностью политики, так как и заказчик, и политический исполнитель более чем удовлетворены либерализмом без берегов.

В таком контексте временщикам неважно, что размывается видение стратегической перспективы. Потому цели подменяются средствами. После восстановления независимости де-юре единственной целью политического процесса стал вывод российских войск. Затем -- вступление в НАТО и ЕС. Но все эти намерения не воспринимались, следовательно, не анализировались как инструменты, но как очередные именно конечные цели. В итоге о перспективах ЕС люди судят по цене на молоко и инфляции в целом. Вступление в НАТО и ЕС политики трактуют прежде всего не как гарантию безопасности и стимул стабильного развития. Именно вступление в НАТО и ЕС привело к message об оккупации. В такой форме, которая не дает спокойно отреагировать на них с тем, чтобы закрыть счета. Знание русского языка -- полезное, но не достаточное условие для того, чтобы брать на себя миссию стать экспертом ЕС в отношениях с Россией. Миссия -- делиться опытом построения демократии и рыночной экономики с постсоветскими странами -- несколько преждевременна. Хорошо было бы для начала критически осмыслить свой собственный опыт обращения с такой безусловной ценностью как независимость.

Мы с вами вынуждены быть весьма далеки от иллюзий, что и через 60 лет после окончания Второй мировой войны люди в разных странах пришли к такому пониманию памяти, и исторической и личной, о которой с проницательностью говорил профессор Сорбонны и Чикагского университета Поль Рикер еще в 1991 году. "Взгляните на карту Европы и попробуйте найти там хотя бы пару стран, не воевавших друг с другом. Французы и англичане, поляки и немцы и т.д. Таким образом, память бывает как тюрьма, регрессивна. И ведь мы не можем не культивировать память о наших культурных достижениях, а также память о пережитых страданиях... Нам еще необходима память, в основе которой лежит прощение. Без памяти прощение невозможно. Таким образом, по сути, мы должны скрещивать свою память с памятью других, обмениваться своей памятью друг с другом до тех пор, пока, скажем, преступления нацистов не станут частью нашей собственной памяти. Разделив жестокую память соседа, мы частично приобщаемся к политической стороне прощения. И тому есть примеры. Когда канцлер Германии приехал в Варшаву и просил на коленях о прощении, думаю, это было крайне важно для всей Европы. Потому что, хотя мы и должны освободиться от памяти войн, побед и т.п., мы также должны хранить память о шрамах. И только с эти можно переходить к обмену памятью и ко всеобщему прощению."

Я уверен, что в этой аудитории нет надобности говорить о том, каким образом прикосновение к этой теме характеризует состояние демократии в наших странах.

Напомню мысль Шарля де Голля, в которой, мне представляется, сфокусировано продуктивное, я сказал бы, гармоничное понимание соотношения целей и средств: "Независимость есть нечто иное, как умение распорядиться своей зависимостью."